

НАТАЛИ СИНЕГОРСКАЯ

**СКАЛЬПЕЛЬ, КАРТЫ,
ТРЕТИЙ ГЛАЗ**

Натали Синегорская

**Скальпель, карты,
третий глаз. Кое-что из
жизни студентов-целителей**

«Издательские решения»

Синегорская Н.

Скальпель, карты, третий глаз. Кое-что из жизни студентов-целителей / Н. Синегорская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501431-3

Роман из цикла «Мировое древо». Женя Голубева (Птица) получает предложение, от которого не может отказаться и поступает на целительский факультет местного института. Вместе с ней будет учиться Саша Радищев (Поэт), с которым они дружили в детстве. В одной команде с Варей Котиковой (Птицей) и Романом Фокиным (Рафом) им предстоит не только исцелять весьма странных пациентов, но и предотвратить угрозу, нависшую над миром...

ISBN 978-5-00-501431-3

© Синегорская Н.
© Издательские решения

Содержание

Скальпель, карты, третий глаз	6
Часть первая. Ты не вейся	7
Глава 1. Не хочу сдавать экзамен	7
Глава 2. Чтобы все были здоровы	16
Глава 3. А сколько глаз у нас? Четыре!	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Скальпель, карты, третий глаз Кое-что из жизни студентов-целителей

Натали Синегорская

© Натали Синегорская, 2019

ISBN 978-5-0050-1431-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Скальпель, карты, третий глаз

Часть первая. Ты не вейся

Medice, cura te ipsum! (лат)

Глава 1. Не хочу сдавать экзамен

- Ты кто – зарядник или разрядник?
- Понятия не имею. Как узнать?
- Зарядник заряжает других своей энергией.
- А разрядник – разряжает?
- Нет, бьет разрядами.

(из беседы двух фищиков)

Кричать «Стой!» или «Держи вора!» было как минимум глупо. Только время терять.

Немногочисленные покупатели – две старушки, один мужичок навеселе и стайка хихикающих девчонок – вряд ли задержат воришку, парня лет шестнадцати-семнадцати, улепетывающего во все лопатки.

И он бы улепетнул.

От кого-нибудь другого точно улепетнул.

Но не от меня. И дело вовсе не в том, что я супермен или спринтер-разрядник. Нет. Я почувала его намерение, едва он подошел к овощному лотку.

Намерение могло не осуществиться, и прогонять парня, пока он не делал ничего противозаконного, не было оснований. Поэтому я просто следила за ним краем глаза.

Движение его руки было молниеносно. Не пойми я заранее, ни за что не уловила бы.

А уловив, пружиной вылетела из-за прилавка. Повторюсь, я не спринтер. Просто наглость воришки и ему подобных субъектов придавала не только злости и адреналина, но и скорости реакции.

Через три секунды я сбила его с ног. Через четыре – схватила за шкурку, приподняла и встряхнула. Кивком головы указала на выпавший кошелек и крикнула в сторону очереди:

– Господа, чья потеря? Забирайте, пока никто не приватизировал!

Девчонки заверещали и принялись судорожно проверять содержимое сумочек, причем почему-то друг у дружки. Подвыпивший тип вывернул карманы, с удивлением обнаружив в одном из них мятую сотенную и, воодушевленный, по синусоиде удалился в сторону пивного ларька. Одна из старушек заохала и с кудахтаньем засемила к старенькому гаманку.

Парень вытер разбитый нос тыльной стороной ладони и попытался сперва вырваться (ткань куртки затрещала, но я держала крепко), а потом – наехать:

– Ты че на людей нападаешь, стерва бешеная? Никто не дает, что ли?

За стерву я отвесила волшебный пендель и прошипела:

– Пасть закрой, сопляк. Еще раз увижу, как бабушек пенсии лишаешь, так легко не отделаешься, понял?

И только тогда отпустила, на прощанье выписав еще один пендель – для ускорения.

Почему на прощанье?

Потому что была уверена – больше его не увижу. По крайней мере, здесь.

Однажды я уже имела счастье прищучить маленького воришку. Точно так же догнала, отобрала кошелек – он ни в какую не хотел с ним расставаться – и пнула на прощание. На следующий день толпа подростков налетела на прилавок и мгновенно перевернула большую часть ящиков. Хозяин лавки, дядя Сашко, даже ругаться не стал – вычел ущерб из моего заработка и приставил на некоторое время двух амбалов, удачно маскировавшихся под грузчиков. Когда

подростки появились во второй раз, мирные грузчики показали налетчикам нехилые бицепсы и увесистые биты. Обе стороны посчитали инцидент исчерпанным.

Парень уже исчез за углом, а я все еще смотрела ему вслед. Появилось странное чувство – что-то с этим воришкой не так. Дорогая куртка? Наглость, граничащая с безрассудством?

Нет, не это.

Он был не наш, не заборский.

Ну и что, спросите вы.

Понятия не имею. Но мне это не понравилось. Подозрительно и непонятно. Я могла поклясться – папану не нужны деньги. Точнее, ему незачем воровать. И даже не очень нравится.

Была еще какая-то странность. Я принялась вспоминать, прокручивать сценку в голове, пытаюсь сию странность идентифицировать, но тут появился этот человек.

Как по команде пропали, ничего не купив, и бабушки и девчушки. И вообще, народ как-то подрассосался. Хотя место здесь людное, на перекрестке двух больших по меркам Заборска улиц.

Этот человек остановился возле ящиков и пристально оглядел меня с ног до головы, игнорируя губчатую брокколи, полосатые бочонки кабачков и золотистый лук. Так пристально, что я забыла про воришку и начала размышлять, пора начинать бояться или еще нет. Налоговая? Санэпидстанция? Народный контроль?

Дядя Сашко щедро и регулярно кормит все контролирующие органы. Так что я решила не пугаться, а, напротив, смело и даже чуть нахально посмотрела человеку в глаза. Попробуй, мол, возьми меня за рупь за двадцать.

Он спокойно выдержал взгляд.

Не первой молодости мужик в старомодном черном пальто – плечи большие, подставные, полы длинные, едва ботинки видны. Шляпа на голове, тоже из прошлого века, а то и поза-прошлого. Перчатки черные из тонкой кожи. Дорогущие. Но красивые! Благородные! И господа, натягивающие их на длинные нервные пальцы (хм, откуда взялись «длинные нервные пальцы»?), по определению должны быть благородными. Разить не пивом, как от давешнего мужичка, а дорогим парфюмом. Иметь крутую тачку.

Имел ли дядька хоть какую-нибудь тачку, не знаю, но благоухал не парфюмом, а нафталином, словно вышел из сундука с цигейковыми тулупами и пуховыми шалями. На старую развалину не походил, хоть и пожилой. В молодости, наверное, симпатичный был, да и сейчас еще ничего. Теткам должен нравиться. Чисто выбрит, морщин мало. Губы тонкие, в ниточку.

И смотрит так пристально, словно хочет мои мысли прочитать.

Не люблю таких типов. Пришел покупать – покупай. Нет – топай. Нечего тут очередь распугивать. Нафталином вонять.

Эх, нет в тебе романтики, Птица! Вот мой школьный друг Поэт наверняка бы вдохновился одним видом этого дядечки и сочинил бы душераздирающий стишок типа *«Вы в макинтоше нафталиновом ворвались в жизнь мою стремительно. Но в сердце вашем пластилиновым любовь не вспыхнет офигительно»*.

Я же чуть отвернулась и уставилась на вывеску банка «ЗаборскИнвест» на противоположной стороне улицы. Спросила не очень любезно:

– Хотите чего?

Он помолчал и говорит:

– Хочу.

– Выбирайте. Все свежее.

Я привстала с табуреточки и театрально провела рукой по ящикам с фруктами и овощами. Но он даже не поглядел на товар.

– Я, – говорит, – Женя, намереваюсь задать несколько вопросов.

Тут я снова на него посмотрела, но не в глаза. Сосредоточилась на межбровье. Читала у Ефремова, который фантаст, а не артист, что таким образом можно уберечься от гипноза. Вроде как в глаза смотришь, а вроде как и нет. Сказала:

– Вот вы, гражданин, мое имя знаете, а я ваше – нет. Так нечестно.

Он протянул мне карточку:

– Давайте познакомимся.

Взяла карточку, повертела. Черная визитка из дорогой бумаги, с золотым тиснением. На ней надпись: «Догс Илья Ильич, профессор, декан ФИЦИ». А чуть повыше в левом углу – логотип заборского политеха – открытая книга со знаком бесконечности. Мол, нет открытиям и знаниям конца.

– Приятно познакомиться, – говорю я и карточку обратно протягиваю. – Спрашивайте.

Он карточку не взял. Сказал:

– Визитку оставьте себе. Пригодится еще... Значит, вы, Женя, в этом году закончили школу. Так?

Может, тип этот – друг моей маман?

– Вы ведь знаете, – ответила. – Я же вижу, знаете. Чего тогда спрашивать?

Он чуть раздвинул тонкие губы в улыбке:

– Хорошо. Будем играть в открытую. Итак. Вы, Женя, в этом году окончили школу, причем с одной четверкой, немного не дотянув до золотой медали. По некоторым соображениям, не будем уточнять, каким, не поехали поступать в Москву, о чем мечтали лет уже... пять, если не ошибаюсь.

Ну, точно у маман консультировался.

– Вам-то что.

Получилось несколько грубовато. Ну и ладно. Быстрее смоемся. Глядишь, и покупатели подтянутся. Я ведь не просто так торчу, словно бельмо на глазу у города. Я дело делаю. Работу работаю.

– Мне ничего. Тебя жалко, – сказал он, с какого-то перепуга переходя на ты.

Разве мы пили на брудершафт? Надо же, не заметила.

– Чего это вам меня жалко? – еще грубее отозвалась я. – Я что, шваль подзаборная? Поработаю годик, денег накоплю, а потом поеду поступать. В Москву или в Лесорубинск. Хоть на заочный, да поступлю, будьте покойны.

Он усмехнулся одним уголком рта. Взял красное яблочко, подкинул. Сказал:

– Хоть на заочный ты могла поступить и в этом году. Отчего же не поехала?

Когда мои подружки двинули покорять столицу, я провожала их с улыбкой, а сама зубами от досады скрежетала. Ну не могу я никуда ехать. Не могу. От слова «совсем».

– Значит, так, – продолжил Догс. – Слушай меня внимательно, девушка Женя Голубева. Завтра... Нет, сегодня ты отправишься к своему хозяину и возьмешь расчет. Завтра не позже десяти утра... а лучше ровно в десять с документами приходишь в политехнический институт. И поступаешь. Все ясно?

Ничего не ясно. От слова «вообще». Как это я прихожу и поступаю?

– А экзамены? – глупо спросила я. – А конкурс?

Политех был одним из многих вузов, куда надо сдавать экзамены. Назывались они олимпиадой, но суть не менялась. Именно из-за этих олимпиад наши выпускники и поужезжали в столичные вузы, где принимали по результатам ЕГЭ.

– Без экзаменов, – отрезал Догс. – Просто приходи в приемную комиссию, первая дверь слева от входа. Тебя сразу зачислят.

Сразу зачислят, ага. Сидят и ждут с распростертыми объятиями. Тут явно какой-то подвох. Но какой?

– У вас недобор, что ли? – высказала я единственно правдоподобное объяснение.

Представляю картину: преподаватели бегают по улицам Заборска, хватают за шиворот потенциальных студентов, складывают в специальные корзинки и заполняют пустующие аудитории. Вот только мнение студентов спросить забыли, ага.

– А если я не хочу учиться в этом вашем политехе?

– Не хочешь – не будешь, – легко согласился Догс. – Вернешься на работу.

Он кивнул, подводя черту под разговором.

Я, конечно, никуда не пойду. Что за глупости. Работу брошу – а жить на что? На какие жи-ши? Я хотела спросить об этом Догса. Но, к своему удивлению, задала другой вопрос:

– Какой факультет-то?

– ФИЦИ, конечно. Если забудешь, сверься с визиткой.

– И... что это за ФИЦИ?

– Придешь и узнаешь. До встречи, прекрасная девушка Женя Голубева.

Фиг вам, никуда не пойду, думала я, выслушивая гневные вопли дяди Сашка: «Раньше не могла сказать, где я тебе замену найду?» и его же уговоры: «Ну Женечка, ну золотко, ну еще недельку». Не нужен мне ни ваш политех, ни это ваше ФИЦИ, я вообще в Москву на будущий год, на заочку.

К своему несказанному удивлению, следующим утром ровно в десять я стояла возле парадного входа в политехнический институт, сжимая в руках папку с аттестатом, паспортом и справкой о состоянии здоровья. И не без досады думала, что гадский Догс все-таки умудрился меня загипнотизировать. Вопрос – зачем ему это надо? Неужели правда недобор? Занятия начинаются через два дня, кто меня зачислит? Списки абитуриентов давным-давно преобразовались в студенческие.

Но раз уж приперлась, надо хотя бы посмотреть. А потом вернуться к морковке-петрушке-капусте. Мы с дядей Сашком сошлись на трех днях, чтобы одуматься. Но мне хватит и одного.

Я взялась за ручку и потянула высокую тяжелую дверь. Шагнула в полутемный коридор. И замерла.

Там, на улице, морковка и помидоры еще немного перевешивали.

А здесь... Здесь меня ждали тайны, волшебство и открытия. Тайны вселенной, волшебство науки и...

И открытия тяжелых дверей. Например, сейчас надо открыть первую слева. А за ней...

Вытянутая комната с длинным рядом столов. За тремя из них сидели четыре девушки.

Я аж зажмурилась. Открыла глаза.

Четверка умопомрачительных красавиц никуда не исчезла.

Невозможно поверить, что в нашем заштатном городишке водятся такие экземпляры. Клава Рубероид, Норма Джин Бейкер, Вера Горячая и Наталья Землянова словно сошли кто с подиума, кто с небес. Закрой рот, сказала я себе. И прекрати тарашиться.

Первая мысль: может, и я стану такой же после двух-трех годков обучения?

Вторая: на учебу принимают только за внешность.

Третья: кого и как здесь обучают?!

Четвертая, и последняя: надо валить.

– Поступать пришли? – пропела Клава Рубероид.

Я зачем-то прокашлялась и кивнула.

– Ну и чего стоять столбиком? – подняла бровь-ниточку Землянова. – Бумажки-то свои доставай.

Норма Джин укоризненно покачала пергидрольными кучеряшками – зачем, мол, время отнимаешь у занятых людей. Блин, может, я не туда попала? Может, ФИЦИ – это факультет кинематографии? Или интимных услуг?

– Привет, – раздался сзади девчачий голосок.

Я резко повернулась, ожидая увидеть очередную красотку, и с облегчением выдохнула.

Похоже, не только меня загипнотизировал нафталиновый Догс. Еще одна выпускница пришла поступать в политех. Невысокая, темно-рыжая, курносая. Не худая, но и не толстая. В джинсиках и простой футболке.

«Будем дружить», – решила я.

– Ты с документами? – девчонка протянула руку. – Давай сюда.

– Зачем? – тупо спросила я.

– Ты же сдавать, верно? Я сейчас по спискам проверю. Тебя как зовут?

– Голубева Евгения. Анатольевна.

– Очень хорошо, Анатольевна. Я – Сима, Серафима Серова. Девочки, посмотрите, есть у нас Голубева?

Я разинула рот. Девочками она назвала четырех небожительниц. Да так запросто, словно имела на это полное право.

Дальше произошло и вовсе невероятное. Серафима нахмурилась и покачала головой. Сказала:

– Опять маскарад устроили. Я же просила.

– Сима, не надо... – успела пискнуть Наталья Землянова.

В следующий миг все изменилось. Серафима подняла руку, показав четверке красавиц перстень с огромным прозрачным камнем. Пропшептала несколько слов.

И...

Все четверо бесследно исчезли. Их места непостижимым образом заняли самые обычные девушки. Одну, ту, что была Нормой Джин, я знала, она жила на соседней улице и окончила нашу школу на два года раньше меня. Никакой красоткой она не была. Ну, так, симпатичная, не больше. Но отдаленное сходство с кинодивой имела, что да, то да.

Бывшая Вера Горячая расплакалась, вскочила и выбежала из комнаты.

– Что это было? – озадаченно пробормотала я.

– Несанкционированное использование базиса, – неожиданно жестко ответила Серафима. – Всем четверым полгода без лабы. Верке, кстати, тоже передайте.

Девчонки заныли, заканючили, мол, за полгода они умрут, ну, пожалуйста, мы больше не будем.

– Хорошо, месяц, – снизошла пигалица.

– Ты вообще-то на конференцию уехала, – упрекнула Симу лже-Землянова.

– Вернулась уже, – отрезала Сима. – А вы и обрадовались.

– Почему Забавам можно, а нам нельзя? – поднялась экс-Рубероид.

– Потому что Забавы используют базис только в лабе. И вы это прекрасно знаете.

Меня все больше разбирало любопытство. Что за базис такой? И кто эта пигалица, принятая мной за абитуриентку? Дочка ректора? Внучка министра?

– Я не до конца представилась, – Сима словно услышала мои мысли. – Заместитель начальника базисной лаборатории Серафима Серова.

Нормально так. Может, если хорошенько подумать, то я тоже какой-нибудь тщательно законспирированный принц, лишенный наследства и памяти?

– И не удивляйся ничему, – продолжила завлаб. – Постарайся не удивляться. Со временем все узнаешь и поймешь.

Документы у меня приняли. Нашли фамилию в списках ФИЦИ – факультета истинного целительского искусства – и сказали приходить первого сентября в корпус номер пять.

– Это где? – спросила я.

– Это нигде, – ответила Серафима.

И протянула мне колечко. Почти такое же, как у нее, только вместо камня на нем была буква «Ц».

– Приходишь в четвертый, – сказала одна из девушек, Марта, которая жила на соседней улице, – Поднимаешься на лифте на чердак – там такая специальная кнопка есть – выходишь и произносишь вслух или про себя «ФИЦИ». Увидишь дверь. Это и будет вход в пятый корпус. Да, кольцо надеваешь прямо сейчас и не снимаешь. Желательно до пятого курса. Оно и есть ключ к пятому корпусу.

– А чего так сложно? – я слегка удивилась подобной конспирации.

– Факультет закрытый, – не очень охотно объяснила Марта. – Организован недавно. В прошлом году состоялся первый выпуск. Отношение к целителям неоднозначно, поэтому приходится существовать на полуправильном положении. Догс набирает студентов сам. И преподавателей тоже сам. Тебя ведь он прислал, верно? Да, насчет стипендии не беспокойся. В первом семестре получают все, дальше – по итогам сессии.

– А... сколько стипендия?

– Прожиточный минимум, – ответила Сима. – Это если не повышенная. Повышенная плюс пять тысяч. После первой сессии можешь брать подработку. Тут ее достаточно, не сомневайся.

Наверное, если бы не появилась Сима, я бы вернулась к капусте и морковке. Заместитель начальника лаборатории, надо же! А как вам превращение зачетных чикс в обычных девчонок? Лично я в полном ауте.

Но сюрпризы, как оказалось, еще не закончились.

Едва я, не оправившись от первого потрясения, вышла в коридор, как нос к носу столкнулась с Поэтом.

– Птица! – завопил он, и я почти физически ощутила, как эхо от его вопля прокатилось по коридору и всем его ответвлениям, поднялось по лестнице и растаяло в пятом, скрытом от любопытных глаз, корпусе.

Группа девчонок, толпившаяся возле массивной двери с надписью «Библиотека», дружно повернула к нам головы. Поэт, как все приличные поэты, любит эпатировать – и стихами, и поведением.

– О сколько зим и сколько лет с тобой не виделись, Поэт! – не растерялась я.

Раньше мы просто обожали экспромты.

– Представь, а мне частенько снится который год все та же Птица! – отпарировал он.

Ну, что я говорила?

Мы с Александром Радищевым, полным тезкой русского поэта и писателя, дружили с детства. Квартиры наши располагались в соседних подъездах, моя маман работала с его папой в одном очень секретном учреждении (ядерный – в нашей интерпретации «ядрённый» – институт далеко за городом). До восьмого класса сидели за одной партой. Странное дело – нас не дразнили женихом-невестой. В начальной школе мы входили в дружную компанию девчонок и мальчишек, а позже, даже если кто-то и захотел поязвить на наш счет, уже не осмеливался. Я показывала ехидам сбитые, никогда до конца не заживающие костяшки пальцев, и открывшиеся было рты моментально закрывались. Да мы с Поэтом и не были парой. То ли это действительно была платоническая дружба, то ли просто не успели. После восьмого класса Сашка уехал в Лесорубинск, куда перевели его папахена.

Первое время мы даже переписывались, а потом, как обычно бывает, поток сообщений измельчал и наконец прекратился вовсе.

– Что ты здесь делаешь? – спросили мы хором и рассмеялись.

И хором же ответили:

– Поступаю.

У желающих попасть в книгохранилище округлились глаза.

– Выйдем, – сказала я и потащила Поэта на волю.

– Поступаешь, значит, – сказала я. – И куда?

– Так сюда же, в политех! Птиц, ты чего? Вообще-то я уже поступил. Пришел расписание узнать. Через два дня же за парту садиться.

Поэт приехал поступать в Заборск.

С одной стороны, это хорошо. Я правда очень обрадовалась встрече со старым приятелем.

С другой стороны – почему в заштатный городишко? Ностальгия замучила? Насколько знаю, Поэт сюда не рвался, ни на каникулы, ни на уик, так сказать, энд. Езды до нас от Лесорубинска всего-то часа три. А если всю дорогу топить, то и два. Так что мог бы и наведываться в гости-то.

– Чего в Москву не поехал?

– Да ну, – Поэт чуть поморщился. – Все как сорвались. В Москву, в Москву. Я тебе что, три сестры, что ли? Небо в алмазах можно и здесь увидеть.

Он посмотрел на меня и уже другим тоном, которым раньше сообщал сокровенные тайны, добавил:

– Птиц, я соскучился. По городу, по речке нашей Желтушке, где мы с тобой купались, помнишь? По школе, по отношениям... Здесь все проще. Там, в Лесорубинске, все немного по-другому. Они не для меня, я не для них. Мы с Лесорубинском чужие. А здесь я свой. Не знаю, может, и пожалею, что вернулся. В одну воду, как ты помнишь...

– Нельзя плюнуть дважды.

Я помнила. Мы любили изменять на свой лад вековые мудрости.

После Поэта я ни с кем не сошлась настолько, чтобы продолжать начатую фразу. Чтобы додумывать мысль и заканчивать действие. И да, я тоже по нему скучала.

– Чего не приехал ни разу?

Поэт пожал плечами:

– К кому? У меня ж тут нет никого. Отца как сюда направили, так и забрали потом. Все бабки-дедки, тетьки-дядьки в Лесорубинске. Да и потом... Я очень занят был.

– Это чем же? Стихи на конкурс писал?

– Ну и писал, – встопорщился Радищев. – И еще много занимался. Очень много. Меня зачем-то отдали в школу с углубленной физикой. А я ее не просто не знал – терпеть не мог. Но папахен уперся. Репетиторов лучших нанимал, за оценками следил. Хочет, чтобы я по его стопам пошел.

Бедный Поэт. У него тоже не было выбора, как и у меня. Только его вынуждал властный родитель, а меня обстоятельства.

– И ты учился?

– Ага. С условием, что поступать буду в заборский политех. Так что вот. Приехал и поступил.

– На физику, что ли? Это ж еще пять лет мучений.

– Нет, конечно. На филологию.

Я расхохоталась. Спросила, утерев слезы:

– И что будет, если папахен узнает?

– Да ну, как он узнает-то?

– Потребуется предъявить зачетку, например.

– А, придумаю, что-нибудь... Слушай, Птица, не порть хороший день плохими прогнозами. Лучше про себя расскажи. Живешь все там же? С бабой Олей?

Все там же, с бабой Олей. Я кивнула.

– И... как? Не скучаешь...

Я знаю, о ком он хотел спросить. Не знаю, скучаю ли. Наверное, да. Но очень редко. Нет у меня однозначного ответа на такой казался бы простой вопрос.

Пожала плечами.

Он понял. Спросил:

– Сама-то куда подалась? Матмех?

Я призадумалась. Можно ли говорить Поэту про ФИЦИ? Закрытый факультет, куда берут не всех... И что, теперь пять лет скрываться и таиться? Подписку о неразглашении я не давала.

– Представь себе, нет. Подалась в целители.

– Куда?

Поэт чуть отодвинулся. Ну, вот. Оказывается, я успела забыть о его реакции, когда он думает, будто над ним насмеются.

Правда, обижается он недолго и как-то не по-настоящему.

– Нет, Птиц, ну правда.

– Я тебе когда-нибудь врала?

Он задумался. Сказал:

– Врала. В пятом классе получила пятерку, а сказала, что тройку.

Чтоб тебя не расстраивать, балбес. А ты не поверил и отобрал дневник.

– Я с тех пор не вру.

– Угу.

– Не, правда.

В общем, пришлось рассказывать всю историю – и с Догсом, и с приемной комиссией. На интеллигентной физиономии Поэта попеременно появлялся то восторг (красиво заливаешь), то недоверие (красиво, но мало правдоподобно).

– Закрытый факультет, значит, – произнес вконец огорошенный Поэт. – А не дашь ли ты мне на полчаса твое колечко?

– Зачем?

Я спрятала руку с кольцом за спину.

– Хочу сам лично убедиться, что не обманываешь.

Можно было бы попрепираться, а то и уйти – мол, не веришь, не надо. Но, зная Поэта, я понимала: тут наша дружба и закончится. Что задумал Радищев, я не знала.

Но кольцо отдала.

И осталась ждать на скамейке.

Скучать не пришлось. Едва Поэт скрылся в дверях, как из них вышел... я аж рот разинула... тот самый пацан, давешний кошелевый воришка. Скользнул по мне рассеянным взглядом и неспешно двинулся по аллее подпрыгивающей походкой – уши пацана были заткнуты наушниками.

Догонять его и задавать вопросы типа – а ты тоже тут учишься, уже бросил воровать и пошел двигать науку – было глупо. Он скажет, мол, первый раз меня видит, пошла вон, дебилка, и еще что-нибудь в этом духе.

Поэтому я осталась сидеть как сидела. И могла поклясться, что он не просто не узнал меня, но и в самом деле видел впервые. Может, у него есть брат-близнец?

Потому что именно этот парень – и я снова могла поклясться – никогда и ничего не крал.

Поэт пробыл в здании политеха чуть больше часа. Вернул кольцо со словами:

– Мы с тобой одной группы, ты и я.

И показал такое же, но свое.

Мы действительно оказались в одной группе.

Как Поэту удалось уломать Догса, я узнала много позже. Расскажу об этом как-нибудь потом. И о нашей встрече с Мышью – тоже.

Основные события истории начали развиваться через полтора года, в канун зимней сессии.

Глава 2. Чтобы все были здоровы

- У целителя должны быть чистые руки...
- Холодная голова и горячее сердце?
- Нет! Просто ЧИСТЫЕ РУКИ!

– Пить на дежурстве – последнее дело, – нравоучительно произнес Бабулин и аккуратно, но быстро опрокинул в себя содержимое трех рюмашек, любовно наполненных Поэтом.

Мы разочарованно загудели. Точнее, гудели только я и Поэт, а Мышь тихонько сидела в углу, намереваясь сползти под кушетку, и делала вид, что она не с нами, нас не знает и третья рюмка предназначалась не ей.

– Ну Владборисыч, – ныла я, посылая Мыши гневный взор «у-у-у, предательница», – новый год же.

– Мы по чуть-чуть же, – вторил мне Поэт, он вообще любит быть вТОрой возле примы. – Юз грамм, и все!

– На дежурстве нельзя, блин перчёный! – голос Бабулина стал ледяным, под стать погоде. – Вас, салаг, этому не учат, что ли?

Я хотела тактично заметить, что он, Бабулин Владислав Борисович, врач-травматолог и наш временный шеф, и сам на дежурстве. Но пожалела Мышь, которая сжалась до размеров таракана. Взгляд ее недвусмысленно умолял не болтать лишнего. Оценки за практику нам ставил именно Бабулин.

– Так ведь через полчаса дежурство кончается, – заискивающе произнес Поэт, устремляя взор на тумбочку, где покоились оставшиеся полбутылки.

– Вот через полчаса и начнете спиваться, – великодушно разрешил Бабулин, улегся на вторую кушетку и моментально вырубился.

– Мышь, вылазь, – сказала я.

– Вылазь, – эхом отозвался Поэт. – Хоть салат дождем. А ты, Птица, чего сидишь, как на жердочке? Ныряй в тумбочку.

Я уже протянула руку за полбутылкой, как вдруг...

Собственно, почему «вдруг»? Что такого особенного в команде «дежурная бригада, на выезд» для дежурной бригады, пусть и скомплектованной из практикантов?

Ничего.

Но...

Было одно «но».

Точнее, два.

Во-первых, Бабулин выпил водку с устатку и без закуси, а значит, был совершенно неподъемен. То есть, придется ехать без него. Отправляться на вызов нам, двум салагам, студентам ФИЦИ – факультета истинного целительского искусства.

Во-вторых, этого вызова никак не могло быть.

– Я не понимаю, – лепетала Мышь. – Не знаю, как получилось, правда. Все вероятностные линии указывали на крайне малую возможность...

– Но нунулевую, – сказала я.

Мышь горестно кивнула.

– Ладно. Поэт, собираемся.

Радищев нехотя поднялся. Бросил страдальческий взор на тумбочку (нас вынуждают расстаться, но это не навсегда), взял чемоданчик, и мы отправились на выход.

– Не скучай, – сказала я Мыши.

– Дождись нас, – добавил Поэт.

Мышь наконец выбралась из угла, поняла, что гроза миновала, и застенчиво улыбнулась.

– Это на отшибе – проворчал шофер дядя Клим Сергеич. Старенький «ПАЗик» тщательно лавировал между снежными завалами. – Знаю я тот район. Дорога плохая, дальше очень плохая, а потом никакой дороги вообще.

– Никакой? – спросили мы с Поэтом.

– Никакой, – подтвердил дядя Клим Сергеич. – Сейчас доедем, сами увидите.

В салоне орало радио.

Нет, не говорило, а именно орало. Только ором можно заглушить рычание пазиковского мотора.

– Сегодня жители Заборска могли наблюдать странное явление, – вещала радиостанция «Желтушкинские волны» хорошо поставленным голосом ведущего Кости Градиентова. – В небе откуда ни возьмись появилась стая птиц, предположительно ворон. Словно огромная черная туча накрыла город, отчего днем вдруг стало темно как ночью. Наши слушатели утверждают, что не видели дальше собственного носа, да и нос тоже не видели. Вот он и наступил, неоднократно предсказанный конец света, решили все. К счастью, катаклизм продлился недолго, и уже через несколько минут туча рассеялась внезапно, так же, как и появилась. Что интересно – птицы, предположительно вороны, исчезли без следа. Никто не видел, в какую сторону улетела стая. Да и стая ли это была, вот в чем вопрос. Нам хотелось бы получить ответ на него от ученых политехнического института. Скоро мы пригласим их к нам в студию, и вы в прямом эфире сможете спросить, что они думают об этом загадочном явлении.

– Кстати, да, – сказал Клим Сергеевич. – Тоже интересуюсь этой заковыкой. Нехорошая эта примета, черные птицы.

Мы с Поэтом покивали. Нехорошая. Правда, мы подозревали какой-то научный эксперимент, окончившийся выбросом облака черного дыма. А про птиц уже люди сами додумали. Но то, что в одночасье стало черным-черно, это верно. Мы как раз в аудитории сидели, на лекции по ментальному управлению. Решили, что препода специально такое устроили, и давай практиковать телекинез. Столько ручек да тетрадок надвигали, что до конца лекции искали свои, и доцент Петрушко не знал, ругать нас или пятерки автоматом ставить.

– Приехали, – сказал Клим Сергеич, глуша мотор. – Вот от той березы пойдете пешком. На отшибе, метрах в ста от «той березы» находился всего один дом. С одним окошком. И без признаков тропинки от проезжей дороги.

По уши в снегу (вру, всего по пояс) мы наконец доползли (доплыли, догребли) до заветной дверцы.

Едва стукнув, получили разрешение войти. И даже за веревочку дергать не пришлось – дверь оказалась открытой.

СенЕй в этой избушке не было, всего лишь маленький предбанник, отделенный от единственной комнаты (эдакой древней студии: спальня, гостиная, кухня – три в одном) ветхой дерюгой.

– Ой, дохтур, это ты? Ой, наконец-то, а то надьсь едва не помёрла, – жалобно запричитали-закряхтели из-за дерюги.

Я отдернула занавеску, вошла в комнату. Ответила:

– Почти. Почти дохтур. Даже два почти дохтура.

– Два, – подтвердил Поэт, рьяно, как собака от блох, отряхиваясь от снега.

– А Бабулин где? – неожиданно ясным голосом спросила бабка, приподнимая голову от подушки.

В дупель твой Бабулин, хотела огрызнуться я, но Поэт предупредительно пихнул меня локтем в бок. Я только крикнула. Поэт же очень вежливо сказал:

– Не беспокойтесь, бабушка... э-э-э..., – тут он сверился с листком вызова и продолжил, – не беспокойтесь, Настасья Изя... Изяславна, мы хоть и молодые, но уже многое умеем.

Бабуля Настасья Изяславна оценивающе оглядела нас с ног до голов, что-то там про себя прикинула и снова перешла на жалобное кряхтение, сморщившись и страдальчески закатив глаза:

– Ой, сына! Ой, доча! Раз уж вы дохтуры, помогите, будьте добреньки. Прострел у меня намедни случился. Дык таперича ни в пояснице сгинаться, ни в ей же разгинаться не могу. Болить, окаянная, и все тут.

Бабка зачем-то натужно выдавливала из себя простонародный говор, хотя я могла поклясться – грамоту она понимает гораздо лучше нас.

Поэту было до фени, на какой фене изъясняется бабка. Он деловито кивнул сперва мне, потом Настасье Изя... короче, бабушке, прошел к кровати, сел на стул и стал собирать анамнез: где болит, когда заболело, давно ли наслаждаетесь сим недугом, чем хворали в глубоком детстве, какие еще хрони и хрени имеете, и все такое. В общем, отвлекал пациента. Я же занялась ментальной диагностикой.

Пока непутевая дочка Изя-как-его-там жалилась на прострел (а чего, спрашивается, ее в лес понесло в эдакий-то мороз?), я устроилась в ногах у больной и принялась осторожно устанавливать контакт с биополем. Установила, протянула тонкие, едва ощутимые нити от кончиков пальцев к энергетической оболочке объекта. Поразилась, насколько оболочка была плотной и в большинстве своем целостной, и это в возрасте... хм... восьмидесяти лет! Стала ощущать ауру, начиная со ступней и поднимаясь все выше и выше, к шее и голове. Задержалась в районе поясницы, в месте предполагаемого прострела.

Недоуменно глянула в лицо бабули, вешающей на поэтовы уши длинные спагеттины.

Он заметил мой взгляд. Поднял брови в немом вопросе.

– Ничего не понимаю, – пробормотала я. – Радикулит есть, довольно застарелый, но... Но в стадии ремиссии.

– И все? – недоверчиво спросил «дохтур».

Я вновь прошлась по району малого таза и брюшины. Боли в пояснице могли означать проблемы с почками, кишечником и даже сладкой парочкой желчный-поджелудочная. Но со всем этим ливером у бабки в данный конкретный момент никаких критических отклонений не наблюдалось. Ну, повышенная кислотность, ну песок в почках, ну гастрит. Но все в пределах допустимой нормы.

Видимо, я что-то пропустила. Не учла какой-то фактор. Странно. В любом случае, красного очага воспаления не было нигде! И что тогда с бабкой? Фантомные боли? Я даже приблизительно не представляю, как они выглядят в ауре, это на третьем курсе проходят, а мы только на втором... Знаю только, они где-то в мозгу... Так может, ей вовсе не поясницу, а голову надо лечить?

Я вознамерилась было на свой страх и риск влезть в черепушку, но контакт резко и грубо прервался – меня ощутимо ударило в грудь волной отдачи, и я, пошатнувшись, опустилась на табурет, который как для меня и стоял.

– Ну что, – деловито сказал Поэт, – будем, бабушка, лечить ваш прострел. Кирпич есть?

– Какой кирпич? – опешила бабка.

Лицо ее от изумления вытянулось, и большинство морщин бесследно исчезли.

– Обычный кирпич. Со стройки можно стырить или попросить кого, чтоб стырили. Вы, бабушка, его нагрейте на печке и к пояснице приложите. Проверенное средство. Как рукой снимает.

– Поясницу, – добавила я. – Особенно если никакой боли и в помине нет.

– А вот и есть, – неожиданно злобно отрезала Настасья Изявна. – Нечего без спросу по чужим орханизмам шарить! Я тебе волю на то давала? Не давала! Вот и нечего!

Я даже удивиться не успела, а бабка одним махом соскочила с кровати. Да как топнет ногой, как гаркнет:

– А ну, вертайся откуда явилась!

– Да вернусь я, вернусь, – забормотала я, все больше подозревая, что бабка тронулась. – Вы только не волнуйтесь.

– Ты, девка, сиди, – властно приказала бабка Настасья. – Вы оба мне еще пригодитесь.

Внезапно пол избушки накренился, сначала в одну сторону, потом в другую, и я сообразила, что повеление «вертайся» предназначено вовсе не мне.

Что-то неуловимо изменилось в избушке, что-то произошло. Вместо панцирной кровати возник сундук. Настольную лампу заменила толстая свеча в подсвечнике. Телевизор пропал вовсе.

– Все. Кажись, на месте, – удовлетворенно проговорила бабка. – Выходим и дружным строем идем лечить правителя.

– Чего? Кого? – опешили мы.

– Пошли, там увидите. Да, и кирпич не забудьте.

Поэт обиделся. Надулся. Долго дулся, минуты две примерно. Я тем временем выяснила, что правитель – это не президент. А также не мэр, не губернатор, не бургомистр и не канцлер. Он просто правит государством, вот и все.

– Каким государством-то? – спросил Поэт, прекратив дуться. Любопытство в нем всегда превалировало над обидами, за что я его ценила еще со школы.

– Нашим, – отрезала бабка. – Нашим, только древним.

– Это как?

Поняв, что мы не тронемся с места, пока не получим объяснения, Настасья Батьковна пояснила, что мы посредством ее избушки, которая может пронзать время, перенеслись в прошлое, в город-государство Бор-град, которое стояло на месте нашего Заборска задолго до христианства и языческой Руси. Короче, мы сейчас в древних временах, и правителю Бор-града очень нужна наша помощь.

Куча вопросов рвалась из нас наружу, сталкиваясь и мешая друг другу, отчего мы с Поэтом издавали лишь нечленораздельные возгласы изумления и недоверия.

– Ну, все, – сказала бабка, округлившись с рассказом. – Хватит бекать-мекать и расслаживаться.

Она бодро вскочила, забыв про радикулит, накинула тулуп и шаль, впрыгнула в валенки и, мотнув нам головой, распахнула дверь наружу.

Снаружи был ясный зимний день. И...

Не было никакого отшиба.

Избушка стояла на широкой улице. Оживленной и очень, очень странной.

Деревянные дома-терема, высоченные, трех-четырёхъярусные, с резными ставнями и наличниками стояли на обеих сторонах. словно мы попали даже не в древнюю Русь, а в древнюю-древнюю, времен, скажем, Атлантиды. Потому что терема напоминали Китеж-град.

– Ущипни меня, – шепнула я поэту.

Он ущипнул. Терема не исчезли. Все так же двигались по дороге сани, запряженные лошадьми, шли люди в старинных зипунах, тулупах, душегрейках, салопах. Кричали мальчишки, смеялись румяные барышни, громко судачили тетушки. Не грязь и нищета средневековья царствовали здесь, но наблюдалось некое величие, достаток и даже роскошь. Примерно как в Эрмитаже, только с учетом минус пары веков.

– Ну, чего вылупились? – прикрикнула Настасья Изяславна. – Рты закрыли и бегом за мной! Время не ждет!

– Почему время не ждет? – спросила я, приноравливаясь к быстрому шагу жертвы прострела.

– Потому что оно идет, а правитель нет. И не пойдет никуда, покуда хворать не перестанет. А если не пойдет, то и праздника не случится.

– Нового года? – поинтересовался Поэт, пристроившийся к другому бабкиному боку.

– Неуч, – заявила бабка. – Новый год когда зимой праздновать начали? Вот то-то же. А у нас сейчас Большие Святки да Колядки. А в самом конце декабря – Щедрец. На главной площади будет праздник, представления. Их обычно правитель начинает большим фейерверком. А как начинать, если у него горло заболело?

Мы с Поэтом недоуменно переглянулись. Подумаешь, горло болит.

– Ну пусть не произносит речь, – сказала я. – Пусть рукой махнет, и все.

– Рукой? Какой рукой? – спросила бабка.

– Любой. Правой или левой. Раз охрип, пусть изворачивается.

– Так у него, наверное, температура высокая, – высказал предположение Поэт. – Встать не может. Да?

– Если бы высокая, – бабка помрачнела еще больше. – Низкая она у него, в этом-то вся беда.

Ладно, анамнез мы собрать успеем. Пока меня больше занимала окружающая действительность.

А она, действительно, была невероятна. Даже не предполагала, что деревянные терема так прекрасны. Выкрашены в радужные цвета, и каждый из них имел свой неповторимый облик. То словно шкатулка резная, то как радуга, над улицей парящая, то будто частичка цветущего летнего луга, белым тополиным пухом припорошенная.

Нас обгоняли, толкали, смеялись. Пару раз угостили – пирожками и пряниками.

– Берите, – сказала бабка. – На Щедрец отказывать нельзя, ни в коем случае. Людей обидите.

Наконец добрались до правительственной резиденции.

Что странно – находилась она не в центре Бор-града, а на его окраине. Терем, раза в два, а то и в три превосходящий любой из виденных, не отличался особой пышностью. Зато ворота в нем были – высоченные, кованые. Тяжелые, они с трудом открылись перед нами.

Два стрельца смотрели на нашу странную компанию подозрительно.

– Это со мной, – сурово заявила бабка Настасья. – Лекари иноземные.

– Ступайте в палаты, коли так, – отозвался один без особого энтузиазма.

Что, все обеспокоены болезнью повелителя, аж с лица сбледнули?

Бабка наша бодренько так до палат идет. Мы за ней еле поспеваем. Наконец останавливаемся еще у одних высоченных дверей. Тут Настасья Изяславна поворачивается к нам и строго говорит:

– Ничему не удивляйтесь. И лишнего не болтайте. Говорить будете, когда я разрешу.

Да пожалуйста. Как скажете. Лишь бы все были здоровы.

Распахиваются двери, мы заходим. И впадаем натурально в ступор.

Ну да. Махать руками правитель – а перед нами без сомнения был он – не может по определению. Нет у него рук. И быть не может.

Посередине огромного зала на широкой кровати возлежал золотистый дракон.

Нет, он не был ни громадным, ни ужасным. Средненький такой дракон, с двухэтажный дом примерно. Вполне себе симпатичный.

И очень-очень грустный.

Правда, проводить пальпацию этому пациенту мне ну очень не хотелось. И в рот заглядывать на предмет диагностирования ангины – тоже.

Дракон услышал нас, приоткрыл глаза, приподнял морду, пасть разинул и что-то прохрипел.

– Не надрывайся, – строго велела Настасья Изяславна. – Вот, лекарей к тебе привела. Сама все расскажу, а они пусть решают, что с тобой, неслухом, делать.

Как оказалось, дракон, он же правитель Бор-града, подхватил морозное дыхание Карачуна, когда сражался с последним.

– Победил хоть? – спросила я.

Дракон горделиво приосанился – мол, а то.

– Лучше бы не выпендривался, – сказала бабка. – Карачун он и есть Карачун. Никому его не победить, а вот он любого заморозит. Ну, сожрал ты его. И что? Он все равно возродится о следующем годе, зато ты и через два ни разговаривать, ни огнем дышать не сможешь!

Тут только я сообразила, о каких фейерверках шла речь. О самых что ни на есть натуральных, изрыгаемых драконом. Ну ничего себе! Впрочем, откуда тут искусственным взяться? Порох-то поди еще не изобрели.

– Это вам не радикулит кирпичом поджаривать! – обернулась бабка к нам с Поэтом. – Хотя, кирпич я, конечно, попробую, не сомневайтесь.

Мы дружно покраснели.

Дракон замотал головой.

– Чего это он? – я с опаской отодвинулась.

– Не доверяет, – ехидно заметила Настасья Изяславна. – Сердится, кого, мол, привела.

Ах, не доверяет?! Ну, пресмыкающееся, мы сейчас продемонстрируем все свои умения!

Демонстрировать особо не пришлось. Диагностика показала гнойную ангину, готовую перейти в бронхит. Огненные железы воспалены и требуют быстрых лечебных мероприятий. Но, увы, для их врачевания нет и быть не может никаких медико-экономических стандартов.

Мы с Поэтом устроили маленький консилиум, заняв одну из келий и поминутно выпроваживая то нашу бабку, то стрельцов, то прислугу, которые якобы «ошибались дверью», а на самом деле вваливались, дабы поглазеть на странных лекарей.

– Да тут же чертова уйма препаратов потребуется, – говорил Поэт, морщась от разворачивающихся перспектив целительской практики. – Где в этой дремучей старине их взять? Травки заваривать?

– В количестве пары килограммов на прием, – уныло подхватывала я.

– Вот именно.

– Зимой.

– Вот именно.

– Другие варианты?

– Прогревание.

– Чем?

– Ну... Устроить костер, например. Большой.

– Ты уверен, что это поможет? Даже если посадить дракона в самый центр и подкидывать дровишки со всех сторон? Скорее, получим копченого ящера...

Так мы перебирали варианты, понимая, что ничего толкового не придумаем. Периодически заглядывающая бабка советовала нагреть кирпич, и мы уже сами почти раскалились до белого каления, когда вошла Дуняша, девушка из прислуги и в то же время дочь какого-то знатного вельможи.

Мы не сразу ее прогнали, видимо, просто устали или задумались. Поэтому когда она тихо спросила «А нельзя ли как-то вылечить правителя, чтобы без фейерверков», даже не поняли, о чем это она.

Дуняша объяснила. Иногда правитель, да множатся его лета, пускает фейерверки, не считав богатырской силушки, и полгорода, бывало, как не бывало. Дома здесь сплошь деревянные, просмолённые, одной искры достаточно, чтобы заплот занялся, а потом на другой, соседний перекинулся. А потом отстраивать терема на пепелище – задачка еще та...

Мы, как говорится, и вовсе пригорюнились.

– Вот если бы чего-нибудь такое, – начала я, – чтобы и вылечивало, и огня боялось...

Тут смотрю – взгляд Поэта проясняется, да и сам он вроде бы выше становится.

– Есть, – говорит, – есть такое средство!

Через некоторое время жители Бор-града могли наблюдать и дивиться, как наша троица – я, Поэт и простреленная бабка – катим по улице к правительственной резиденции металлическую бочку. Ну да, пришлось сгонять обратно в наше время. А что делать? Тут эдакое снадобье, как и порох, еще не изобрели.

– Значит, так, – сказали мы правителю. – Вот этой жидкостью... нет, ты не кривись... да, пахнет неприятно, ну так лекарство и не обязано быть вкусным... Значит, будешь им смазывать горло. Изнутри. Каждый день. По три раза. Скоро сможешь разговаривать. А огонь изрыгать – про это забудь. Если не навсегда, то надолго. Иначе сгоришь на месте. Нет, другого способа вылечиться не существует. Да и этот секретный. Никому про него ни словечка, ни рыка, ни полрыка.

Оставили просматривать за драконом Дуняшу. Она слезно благодарила, обещала через бабку новости слать и сласти всякие. Мы сказали, что нам достаточно новостей. Лишь бы все были здоровы.

Следующее дежурство с Бабулиным случилось через два дня. Он пришел мрачный, небритый, на нас не смотрит. И сразу к тумбочке. Мы снова не успели рта разинуть, а он достает нашу полбутылку, допивает ее из горла, а потом швыряет на стол листок.

– «Благодарность», – вслух читает Поэт.

– Благодарность, – рычит Бабулин. – Вы дальше, дальше читайте.

Ну, мы прочитали. Некая Настасья Изяславна Светлоокая благодарила врачей скорой целительской помощи за своевременно оказываемую помощь, а также отмечала новаторство в лечении пациентов. Тогда как врачи-ретрограды используют сплошь антибиотики, пребиотики и прочие тетрациклины, новаторы, какой бы диагноз не подтвердился, применяют кирпич да керосин – первый снаружи, второй внутрь. И, что самое удивительное, хворь как рукой.

Мышь хихикнула. Бабулин ощерился:

– Вы чего натворили, Пилюлькины доморощенные? Что, блин косматый, за кирпич да керосин?

– Ну... – протянул Поэт. – Керосином меня мама всегда лечила. Авиационным. Гланды мазала, когда ангина. А нагретым кирпичом...

– По башке тебе настучать! – заорал Бабулин. – Надо мной уже полгорода смеется, блин дырявый! Баба Настя по телевизору и по радио с аналогичными благодарностями выступила! Вот как знал, ничего вам доверить нельзя!

– Но мы же вылечили, – сказала я. – Здоровые пациенты говорят спасибо.

Поэт и Мышь согласно кивнули.

Бабулин закатил глаза, рухнул на кушетку и вырубился.

– Дежурная бригада, на выезд!

Мы с Поэтом вздохнули и поднялись.

– Меня возьмите, – пискнула Мышь. – Я тоже много нетрадиционных методов лечения знаю.

Мы согласно кивнули и поехали втроем. А что делать? Для нетрадиционных пациентов только и остается, что использовать нетрадиционные методы.

Главное – чтобы все были здоровы.

Глава 3. А сколько глаз у нас? Четыре!

*Не продавцы мы, не строители,
И это, право, не беда,
Мы экстрасенсы и целители, да,
И костоправы иногда.*

– Нет, – ответила Мышь.

– Почему? – опешила я.

Зря, что ли, я пришла в студенческую общагу? Сокамерники Мыши разъехались на каникулы, и я, оставив бабу Олю на попечение соседки тети Раи, впервые решила встретить праздник вне дома, чтобы она, Мышь, выполнила мою просьбу. А тут на тебе. Сидит, стучит спицами и не соглашается.

– Потому что для меня это очень серьезно, – серьезно сказала Мышь.

– Так и для меня тоже! Слушай, Мышь, ну мне правда очень надо. Погадай, а?

Тут Мышь, наша тихоня-скромняга Мышь разразилась тирадой, по тону очень близкой к гневной. Размахивая вязальной спицей, заявила, что, мол, она не гадает, а только предсказывает наиболее вероятное будущее, которое далеко не стопроцентное; действительно оно лишь в ближайшие полгода, зато его знание (без особой на то нужды) может существенно повлиять на ход событий.

– Ну и пусть влияет, – легкомысленно заявила я. – Сегодня же у нас какая ночь? Волшебная. Еще классики писали: раз под старый новый год девушки гадали...

– Под какой старый новый год? – опешила Мышь, которая еще чуть-чуть и сдастся под моим напором. – У Жуковского дело происходило в крещенский вечерок!

– В крещенский вечерок во время святок, – не стала спорить я. – А святки у нас когда? С шестого по девятнадцатое. Сегодня тринадцатое, значит, гадать – самый тазик. Так что ты это... Не отвлекайся на лишние препирательства. Наш девиз, как мир, суров: больше дела, меньше слов! Давай, доставай свое карточное воинство и вперед, на баррикады!

Мышь сдалась. Отложила недовязанный носок – полосатый, красно-желтый, и проткнула одним точным движением оба клубочка. Хмуρο полезла в заветный сундучок за заветной колодой.

– Тебе ведь все равно нужна практика, – продолжала я крыть аргументами. – Помнишь, что Алиса Петровна говорит на каждом занятии?

Алиса Петровна Минина, преподша по общему целительству, каждую лекцию начинала словами: практика, еще раз практика и ничего кроме практики, кроме, конечно, теории. По ее словам, все свободное время студенты ФИЦИ (в просторечии – фицки и фицики) обязаны посвящать доведению профессиональных навыков до автоматизма. Тренировать глаза, включая третий, руки, энергетические каналы, память и даже ноги (не иначе, чтобы удирать от благодарных клиентов). Изучать друг на друге простейшие манипуляции, в том числе традиционной медицины, как то: уколы, капельницы, перевязки, рассечения, иссечения, вправление вывихов, ушивание открытых ран подручными средствами и все такое прочее.

– Ну хочешь, я тебе в качестве благодарности диагностику проведу? – я решила выложить главный козырь.

– Нет, – отрезала Мышь. – Знаю я тебя. Найдешь какую-нибудь каку. Лечись потом.

Вот оно, отношение к целительству! Невежественность, мракобесие и дремучесть! И этот человек не только учится на одном со мной факультете, но и состоит в одной команде скорой помощи!

– Думай вопрос, – мрачно сказала Мышь, терзая колоду. – Хорошо думай, не отвлекайся.

Я не успела хорошо подумать. Потому что – правильно! – отвлеклась.
В дверь без стука ввалился Поэт.

И сообщил такое, что Мышь застыла с недотасованной колодой, а я погрузилась в темные воды печали.

– Печать печали на челе на птичьем, – изрек Поэт, когда тягостная пауза превысила все допустимые пределы.

– Прекрати стиховать, Радищев, – сказала я. – Не до поэзии сейчас.

Поэт прекратил. Он, к счастью, уяснил еще со школы: если я называю его по фамилии, значит, сильно не в духе.

Печать печали на птичьем, то есть моем челе объяснялась просто: нам кровь из носу требовался костоправ.

Нам – это мне, Поэту и Мыши, целительской группе скорой помощи. Травматолог Бабулин категорически отказывался с нами работать после памятной благодарности от Настасьи Изяславны Светлоокой. О своем решении (как по мне, очень необдуманном и скороспелом) он сообщил Поэту, а тот соответственно – нам. По пятифону за практику Бабулин нам, конечно, выписал, но больше, сказал, ни-ни. «Ни-ни», как вы понимаете, относилось не к приему горячительного. А жаль.

Так что нам предстояло срочно вырастить бабу Ягу в своем коллективе.

– Нет, – сказала Мышь. – Никогда.

– Ты сможешь, – сказал Поэт тоном гипнотизера. – Это совсем несложно.

Мышь гневно поблескивала глазами-бусинами и мелко, но отрицательно трясла головой.

– Никогда, – повторила она. – Не смогу. Сил не хватит.

– Мышцу подкачаешь, – уверенно заявил Поэт, мысленно составляя график мышовых тренировок. – Слышь, Мышь, соглашайся. А то Птица мрачнеет не по часам, а по минутам.

– Кончай, Поэт, – сказала я. —Мышь хороша на своем месте. Если станем ее перепрофилировать, то и провидца лишимся, и костоправа не обретем.

Мышь посмотрела на меня с благодарностью.

Я вздохнула.

Хорошие, посредственные и таксебешные мануалисты-костоправы разобраны давным-давно. Их на факультете намного меньше остальных специалистов. К тому же совсем не хотелось искать кого-то четвертого в нашу дружную и сработавшуюся группу: нетрадиционник и диагност Поэт, экстрасенс я и провидица Мышь. Нет, мы, конечно, знали, что нужен четвертый, но...

Но.

Работать втроем нам, скорее всего, не разрешат.

Отказаться от дежурств на скорой целительской помощи можно.

Но.

На мою стипендию и пенсию бабы Оли мы вряд ли проживем. Первый семестр первого курса, когда других доходов у меня не было, вспоминался как фильм ужасов или период из жизни голодающих Поволжья. Поэт порывался написать моей маман, но наткнулся на мой холодный взгляд и резко передумывал. Робко скребся в дверь с сумками, полными продуктов – его папахен не жалел денег на прокорм единственного сына – которые я, скрепя сердце, принимала через раз, обещая все возместить.

И частично возместила, когда мы начали работать на СЦП.

Больше полуголодную жизнь с подачками от Поэтова папахена я не вынесу.

– Мышь, – сказала я, – давай.

Она кивнула и вновь принялась терзать колоду.

Согласитесь, здорово, когда мы понимаем друг друга с полуслова, с полувзгляда. Именно так было в нашей тройке. Приживется ли кто-то еще – неизвестно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.